

РОССИЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

**Крестьянство и власть
в истории России XX века****(По итогам Международного “Круглого стола”)**

Международный “Круглый стол” посвящен междисциплинарному научному анализу различных аспектов проблемы взаимодействия крестьянства и власти как наиболее значимых агентов исторического развития России в XX в. “Крестьянский вопрос” рассматривается как основополагающая проблема руссиеведения, в которой сосредоточены все главные конфликты российской истории.

Ключевые слова: крестьянство, власть, крестьянский вопрос, крестьянская община, крестьянское сознание, революция, коллективизация, история России, руссиеведение.

The International Roundtable Discussions is dedicated to the interdisciplinary scientific analysis of various aspects of problem of the interaction of Peasantry and Power as the most significant agents to the historical development of Russia in the XX-th Century. “The peasant problem” is considered as an essential problem of the Russian studies, in which all main conflicts of Russian history are concentrated.

Keywords: peasantry, power, peasant problem, peasant commune, peasant consciousness, revolution, collectivization, history of Russia, Russian studies.

В рамках научного проекта “Народ и власть: история России и ее фальсификации” (<http://www.google.com/profiles/narodivlast>) по инициативе главного редактора общенационального научно-политического журнала “Власть” А. Лапшина и авторов проекта П. Марченя (Московский университет МВД РФ) и С. Разина (Институт гуманитарного образования и информационных технологий в Институте социологии РАН) состоялся Международный “Круглый стол” “Крестьянство и власть в истории России XX века”. Основными направлениями дискуссий, в которых участвовали 43 ученых трех государств (России, Белоруссии, Украины), стали следующие: 1) “Крестьянский вопрос”: смысл и значение в истории России и человечества; 2) XX век в истории России: “раскрестьянивание” или “окрестьянивание” страны; 3) “Великий незнакомец” и публичная политика в России: мифы и реальность; 4) Русское крестьянство: “могильщик” Империи или ее цивилизационный фундамент? 5) “Аграрные реформы” и “русские крестьяне”: отечественная история и ее фальсификации.

В дискуссии участвовали ведущие исследователи проблемы: профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ **Владимир Валентинович БАБАШКИН**; руководитель Центра экономической истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (*далее* – МГУ) **Леонид Иосифович БОРОДКИН**; старший научный сотрудник Института российской истории РАН **Владимир Прохорович БУЛДАКОВ**; заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного экономического

университета **Олег Григорьевич БУХОВЕЦ** (Минск); профессор, научный консультант издательства “Собрание” **Николай Алексеевич ИВНИЦКИЙ**; профессор Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского **Виктор Викторович КОНДРАШИН**; профессор Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, главный редактор журнала “Российская история” **Андрей Николаевич МЕДУШЕВСКИЙ**; профессор кафедры отечественной истории XX века исторического факультета МГУ **Нина Львовна РОГАЛИНА**; член-корреспондент РАН, главный редактор журнала “Социологические исследования” **Жан Терентьевич ТОЩЕНКО**; руководитель Центра методологии и информации Института динамического консерватизма **Андрей Ильич ФУРСОВ**. Наиболее важные положения выступлений основных участников обобщены П. Марченя, С. Разиным и И. Ионовым.

О. Буховец: Значительную часть XX в. крестьянство доминировало в социальной структуре Российской империи, а затем и Советского Союза. Российский XX в. – это век крестьянский. И одновременно – это век модернизаций, включавших в себя индустриализацию, урбанизацию, культурную и демографическую революции. Его история показала примеры разных уровней модернизационных трансформаций, как в западной, так и в советской версии модернизации, которую я бы назвал альтермодернизацией. До сих пор нет ответа на вопрос: как, казалось бы, “крестьяноборческая” советская власть устояла в крестьянской стране? И при этом пользовалась определенной поддержкой крестьянства. В то же время в таких аграрных странах, как Венгрия, Бавария, Словакия из-за отсутствия поддержки крестьянства революции провалились.

XIX–XX вв. – эпоха образования национальных государств. В некоторых случаях крестьянский характер нации препятствовал усилению национальной идентичности. Это характерно, в частности, для Российской империи. Даже такие этносы, как латыши, эстонцы и литовцы, из-за крестьянственности, отсутствия образованного класса и высокой культуры отставали в процессе складывания современных наций по сравнению с этносами Германской и Австро-Венгерской империй. Национальная политика Советского государства создала современные нации из неграмотных, клановых обществ. Думаю, что при сохранении Российской империи русификация белорусов и украинцев была неизбежной.

Особо хочу сказать о судьбе белорусского крестьянства. В послевоенный период крестьянство стало основным источником получения финансовых средств, необходимых для восстановления промышленности. Пример Белоруссии говорит о том, что в 1944–1945 гг. из общего объема государственных инвестиций, выделенных на восстановление разрушенного войной хозяйства, на город приходилось 96%, а на сельскую местность – только 4%. При полном отсутствии фабричной продукции, в условиях оккупации и при страшной дороговизне возобновилось домотканое производство и плетение лаптей. Советская власть в освобожденной Белоруссии первое время вела себя достаточно разумно. Практически все колхозы к весне 1945 г. в Восточной Белоруссии были восстановлены, а из 1115 колхозов, созданных до войны, в Западной Белоруссии были восстановлены только 132 колхоза. Таким образом, политика в отношении крестьянства не сводилась к какой-то одной модели. В ряде районов Западной Белоруссии были случаи, когда крестьяне сами восстанавливали колхозы. Почему это делалось? Потому что тогда можно было использовать те преференции, которые давала советская власть. Этот пример – наглядное подтверждение неуничтожаемости крестьянства, коренящейся, по мнению Т. Шанина, в эксплоярном характере его экономической деятельности.

А. Медушевский: “Аграрный вопрос” – теоретическая конструкция, выражающая кризис традиционного общества в условиях модернизации. В советской историографии его содержание в широком смысле усматривалось в классовом конфликте по поводу земельной собственности и связанной с этим социальной борьбе. В узком смысле – сводилось к вопросу о методах устранения докапиталистических отношений в сельском хозяйстве. Его решение виделось в экспроприации земельной собствен-

сти с последующим ее переделом или национализацией. Сегодня наметился отход от этой позиции, однако поиск новых подходов ведется, как правило, с использованием привычных категорий политэкономии и классовой теории.

Однако возможна другая, выдвинутая нами, интерпретация аграрного вопроса – как осознания обществом другим легитимности прав на владение землей. Аграрный вопрос существует там, где осознается несправедливость распределения земельных ресурсов. Там, где такое осознание отсутствует, – аграрного вопроса нет. В рамках такого подхода появилась возможность сформулировать следующие проблемы: почему аграрный вопрос проявился только в Новое время? почему одна и та же программа его решения на одном этапе истории отвергается, а на другом становится востребованной и реализуется практически? почему использование одной и той же программы дает неодинаковый результат в разных странах при сходстве их аграрных институтов или, наоборот, почему один и тот же результат возникает независимо от различия исходных условий? почему одни страны были ввергнуты в пучину аграрной революции, а другие решили эту проблему путем реформ?

В современной науке представлены идея *распределительной* справедливости (выдвигающая концепцию равенства возможностей при формулировании правового порядка), идея *легалистской* справедливости (подчеркивающая приоритет норм позитивного права перед абстрактными нравственными нормами) и идея комбинирования *позитивного права* и *традиций* правосознания общества как основы справедливости. Последняя концепция выводит проблему на уровень взаимодействия права, этических представлений общества и исторической традиции. В этой перспективе решаются вопросы отношения права и нравственности в различных обществах на стадии их радикальных изменений, выработки публичных и субъективных прав и их защиты. Центральной проблемой оказывается легитимность форм землевладения и землепользования. Она определяется порядком распределения, способами приобретения и средствами ее защиты. Представления общества о справедливом порядке распределения собственности во многом определяют статус права собственности в общественном сознании. Другое измерение легитимности – историческое обоснование прав собственности на землю. Третье – способы защиты права собственности. Они выявляют ситуацию правового дуализма, которая в пореформенной России получала различные интерпретации: одни исследователи полагали, что она отражает существование двух полноценных и конкурентоспособных правовых систем; другие – что эти системы неравноценны и следует говорить скорее о соотношении писаного и обычного права; третьи – что имеет место противоречие позитивного права и факта.

Исходя из этого, выдвигались три концепции разрешения аграрного вопроса – революционно-популистская, формально-юридическая и практически-государственная. Последняя получила обоснование в концепции аграрной реформы С. Витте и П. Столыпина. Столыпинская реформа отстаивала институт частной собственности на землю. Но в условиях сохранения помещичьей и государственной собственности на землю эта реформа фиксировала сложившийся порядок распределения земли и сталкивалась с сохранением конфликта двух фундаментальных прав – свободы и равенства. Выход из данного противоречия возможен по линии проведения таких аграрных реформ, которые ставят целью полноценную правовую модернизацию традиционного общества, сохраняя внимание к исторически сформировавшимся представлениям о справедливости.

В. Кондрашин: В силу особенностей отечественной индустриальной модернизации российская деревня, с одной стороны, оказалась ее заложницей, важнейшим источником ресурсов, а с другой – во многом определила ее специфику и результаты. Об этом свидетельствуют материалы международных проектов по аграрной истории, осуществленных под руководством В. Данилова. Мне посчастливилось участвовать в них в качестве составителя и редактора документальных сборников в серии “Крестьянская революция в России”, “Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД”, “Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание”. Основная их идея,

конкретизированная в многочисленных трудах историков, связанных с проектами Данилова (С. Есикова, Т. Надькина, Д. Сафонова, Н. Тарховой), заключается в тезисе об активной самостоятельной роли крестьянства в революции, Гражданской войне и коллективизации. Крестьянство было не только объектом приложения сил партий, но и активным субъектом истории, равноправным, а не подчиненным участником эпохальных событий. Из зарубежных исследователей аналогичных взглядов придерживаются Т. Шанин, Л. Виола, Ш. Фицпатрик.

Сутью крестьянской революции был протест против предложенного самодержавием варианта модернизации при опоре на сильных за счет слабых. “Слабых” оказалось много, они не смирились и смели “сильных”, а вместе с ними и власть, пытавшуюся на них опереться. В революции и Гражданской войне не большевики, эсеры или анархисты “вели крестьян”. Они лишь придавали их активности более организованные формы. Именно позиция крестьянства России предопределила исход Гражданской войны. Большевики победили потому, что в критические периоды противостояния Красной и Белой армий их поддержали крестьяне. После устранения “белой опасности” советская деревня была охвачена массовыми восстаниями против “военно-коммунистической” политики. Парадокс заключался в том, что, жестоко подавив крестьянскую войну, большевики дали крестьянам то, ради чего она велась. По Земельному кодексу РСФСР 1922 г. крестьяне получили в бессрочное пользование землю и право свободного хозяйствования на ней. Продразверстка была отменена, свободная торговля и рынок разрешены. Но итогом участия крестьян в Гражданской войне и победы в ней большевиков стала, как подметил американский историк М. Левин, “архаизация деревни”. Все рыночные достижения России, связанные со столыпинской реформой, были ликвидированы. В то же время проблема индустриальной модернизации осталась. Более того, ее необходимость становилась все более очевидной в условиях назревания очередной мировой войны. Поэтому сталинская коллективизация стала очередной попыткой власти заставить деревню принести себя в жертву интересам государства. Это подтверждают и документы первого тома документальной серии международного проекта Федерального архивного агентства РФ “Голод в СССР. 1929–1934 гг.”.

На мой взгляд, главный вопрос состоит в том, почему вариант индустриальной модернизации самодержавия не удался, а сталинский вариант со всеми его ужасами “прошел”? В крестьянской стране победила антикрестьянская политика, основанная на насилии над крестьянством. Эта тема нуждается в дальнейшем изучении. По итогам конференции “История сталинизма” опубликована, в частности, статья японского историка Х. Окуды, обратившегося к проблеме социальной базы сталинизма. По его мнению, это была молодежь, воспитанная советской властью, ориентированная на новую жизнь, образование, карьеру в рамках “нового курса”. Советская деревня была “молодой”. По переписи 1926 г. 60% ее населения составляли люди моложе 30 лет. Таким образом, власть получила исполнителей ее антикрестьянской политики в крестьянской стране.

Итог взаимодействия власти и крестьянства в России на протяжении последнего столетия крайне негативен. В России нет современного сельского хозяйства, способного прокормить страну, обеспечить ее продовольственную безопасность. Нет и подлинного хозяина на земле. И причины такого печального результата предстоит серьезно проанализировать.

С. Алексеев (заведующий кафедрой истории Московского гуманитарного университета – далее МосГУ): Устоявшийся тезис отечественной науки – исключительная по силе дестабилизирующая роль нерешенного крестьянского вопроса в истории России. Сегодня в историографии крестьянский вопрос позиционирован как “главный вопрос” российской истории Нового времени, вызывавший все серьезные социально-политические кризисы. Я хотел бы сопоставить ситуацию в России с синхронной ситуацией в Англии и Франции, обратившись к наиболее острым внутренним конфликтам трех государств, относящимся к XV–XX вв.

Анализ крупнейших конфликтов в России приводит к следующим выводам. Крестьянский фактор сыграл исключительную роль в 9 из 21 случаев (42,8%). В России внутренние войны, возникшие в связи с земельным вопросом, оказывались наиболее затяжными и ожесточенными. К XX в. роль крестьянского фактора нарастает. Главной причиной четырех крупнейших конфликтов первой половины XX в. был именно аграрный вопрос. Британскую историю, напротив, отличает крайне малая роль крестьянства во внутренних конфликтах. Крестьянские восстания XV–XIX вв. в основном носили локальный и скоротечный характер. Это обусловлено ранней индустриализацией и предшествующей мануфактуризацией Британии. Из общего числа десяти последних за рассматриваемый период только одно движение носит характер действительно крестьянской войны. Что касается Франции, то в 6 из 21 “внутренних войн” (28,5%) крестьянский “вопрос” сыграл существенную роль. Значение крестьянского фактора уменьшается в XIX в., что противоположно российской тенденции.

Таким образом, крестьянский фактор в российских конфликтах действительно более значим, чем в ведущих государствах Западной Европы. Это, очевидно, связано с драматическими особенностями избранного страной пути построения индустриального общества.

Н. Ивницкий: Крестьянство консервативно. Его отношение к новшествам менялось тогда, когда оно на собственном опыте убеждалось в их преимуществах. Поэтому крестьянство поддержало аграрные преобразования советской власти в 1917–1918 гг. Политика “военного коммунизма” привела к резкому изменению его отношения к власти. Но переход к НЭПу вновь привлек крестьянство на сторону советской власти. Однако стоило ей в 1928–1929 гг. перейти к административно-репрессивным мерам воздействия на крестьянство, как оно вновь отвернулось от нее. В 1928 г., по данным ОГПУ, в деревне произошло более 1 тыс. террористических актов, в 1929 – свыше 9 тыс., а в 1930 – около 14 тыс. Значительно возросло и количество массовых крестьянских выступлений: в 1928 г. – 709, в 1929 – 1307, в которых приняли участие около 300 тыс. человек. Насильственная “сплошная коллективизация” привела страну на грань гражданской войны. В 1930 г. в СССР произошло 13 756 массовых выступлений, в которых приняли участие около 3,5 млн человек.

Результатами антикрестьянской политики стали разрушение сельского хозяйства, разорение деревни и голод в 1932–1933 гг., погибли не менее 7 млн человек. Такова цена сталинской аграрной “революции сверху”.

А. Гордон (заведующий сектором Института научной информации по общественным наукам РАН): Новое освещение проблематики власти в крестьянской России связано с преодолением установок либеральной и марксистской мысли, согласно которым крестьянство – объект исторического прогресса, исходящего из города и направляемого государством. Формирование крестьяноведения в 1960-е гг., напротив, определялось насущной потребностью в понимании крестьянства как исторического *субъекта*. Это предполагает разработку аграрной проблематики сквозь призму изменений в хозяйствовании, социальной организации и, самое сложное, в крестьянском сознании.

Очевидна роль крестьян в экономическом подъеме пореформенной России. Подняв урожайность выше фатальной черты “сам-третьей”, крестьянство создало основу для преодоления циклических голодовок и промышленного роста. Для сельскохозяйственного рывка необходимы были изменения в крестьянском сознании. Потребовалось, чтобы крестьянин почувствовал свою хозяйственную самостоятельность. Ликвидация крепостничества сделала крестьянина “рациональным агентом” в категориях классической политэкономии и здравого смысла. Ослабло то сопротивление крестьян прогрессу, которое классической литературой было положено в основу крестьянской психологии. Стал развиваться процесс разложения общины. Столыпинская реформа отвечала потребностям модернизации. Она расчищала дорогу интенсивному хозяйствованию, но обостряла внутريدеревенские противоречия. Деревня пошла по пути ликвидации помещичьего землевладения на основе восстановления “общинного права”.

Произошедшее упразднение частной собственности на землю сделало деревню юридически и нравственно незащитной перед натиском диктатуры, которая максимально использовала внутриобщинные противоречия для истребления преуспевающего хозяйственного слоя и насаждения “государственного коллективизма”. Коллективизация начиналась как хлебозаготовительная кампания, и это “родимое пятно” осталось ее главной чертой на десятилетия. Колхозы стали инструментом государственного управления деревней. К 1980-м гг. сложился уникальный тип сельхозпроизводителя. С одной стороны, сельчане познали преимущества восьмичасового рабочего дня и гарантированного денежного дохода. Материальное благосостояние сельского труженика поступательно улучшалось. С другой стороны, отчуждение от земли оборачивалось отсутствием мотивации в успехе “своего” предприятия. Строительство агрогородов разрушало веками сложившийся социум. С упадком семейного хозяйства распалась сельская семья; деревня превращалась в пристанище старых, немощных и одиноких. Инвестиции серьезного эффекта не давали и даже имели негативные последствия. Все это обернулось иждивенчеством. Зависимость деревни от власти все более возрастала.

База для рыночных преобразований в деревне в итоге оказалась слабой. Но и она не была использована в 1990-е гг. Власть свернула аграрные преобразования и вернулась к государственной “поддержке” аграрного сектора. Обманув надежды фермерского движения, постсоветские руководители не добились лояльности и консервативных сил, опиравшихся на крупные хозяйства советского типа. Возник “красный пояс”, охватывавший самые плодородные районы страны. К 2000-м гг. восстановился *status quo* в виде соединения разного рода “крупхозов” с семейными наделами. Ставка на агрохолдинги очевидна, и перспектива квазизакрепощения сельского населения выглядит реальной. В то же время альтернативы этому процессу пока не видно.

И. Кознова (ведущий научный сотрудник Института философии РАН): В XX в. актуализация прошлого опыта у крестьянства происходила с учетом его отношений с властью. На все события своей истории крестьянство смотрит с позиций этих отношений. “Помнящее” начало крестьянской культуры ставит вопрос: “Чего нам нельзя забыть?”. Слово “власть” – одно из ключевых в крестьянской памяти. Все остальные ключевые для крестьянской памяти понятия (“земля”, “семья”, “общность”) неразрывно связаны со словом “власть”. Крестьянскому восприятию власти свойственны присутствие апокалиптических настроений, прогнозируемость новых “укусов-ударов” власти и традиционная готовность быть в стороне от власти (какая бы власть ни была, “нам крестьянам все равно пахать”).

Крестьянская история – это жизнь сообщества, тонус и хронология которой держатся на привычном: “сеем, пашем, страдаем”. Наиболее сильна память о собственном умении выжить, которое предполагает прагматический подход к власти. Не случайна ностальгия современной деревни по 1960–1980-м гг., когда “власть сама жила, и давала жить другим”. Изменения содержания и характера крестьянской памяти связаны с серьезными поколенческими и гендерными изменениями в XX в. Крестьянство прошло путь от активных действий к пассивной адаптации.

Ю. Васильев (профессор МосГУ): В историческом сознании общества существует феномен забвения. Повседневная жизнь имеет собственную историю, и эта история может оказывать серьезное влияние на коллективную идентичность. Однако даже специалисты иногда “забывают” о том, что имело решающее значение в прошлом. История побуждает нас признавать значение тех аспектов прошлого, на которые прежде не обращали внимания. Примером может служить выяснение причинно-следственных отношений “военного коммунизма” и Гражданской войны в России. Политика “военного коммунизма” стала катализатором протестных явлений на всей территории страны. Исторически сформировалось обличительное восприятие крестьянских восстаний того времени: “антоновщина”, “махновщина”, “мироновщина”, “сапожковщина”, “серовщина”. Сегодня вполне уместно употребление приведенных терминов в качестве знаковых феноменов, обозначающих реальные социальные явления прошлого.

Забвение может проявляться, когда возникают основные причины забыть о тех или иных сторонах прошлого, например когда память о них оказывается слишком болезненной,

чтобы включить их в коллективное сознание. Отмечается парадокс одновременно забытого и сохраняющегося в памяти травматического опыта. О последнем забывают, поскольку его стараются вытеснить из сознательной памяти. Однако о нем вспоминают, поскольку оставлены слишком серьезные духовные раны. Травматический опыт приспособляется к идентичности, как и новая идентичность приспособляется к травматическому опыту. В такой ситуации происходит примирение опыта и идентичности, создающее условия для их продолжительного сосуществования. Травматический опыт Гражданской войны проявился в изменении идентичности российской нации и народа. Если мы хотим постичь эту идентичность, следует обратиться к их истории. Вхождение в новый мир после 1917 г. означало отказ от прежнего мира. Подобные травматические исторические преобразования всегда сопровождаются в крестьянстве ощущениями тяжелой потери и безнадежной дезориентации. Социальную травму подобного рода социальная группа будет всегда носить с собой. Новая идентичность конституируется травмой от потери прежней идентичности.

Коллективная идентичность современного российского общества представляет собой совокупность шрамов в коллективной российской душе, нанесенных вынужденным отказом от прежней идентичности. Их никогда нельзя будет изгладить полностью, они вызывают в народе длительную и нескончаемую боль – “боль Прометея”. Благодаря ей цивилизация помнит об “утраченных мирах”, от которых была вынуждена отказаться в своей истории.

Н. Роголина: Я хотела бы поговорить о раскрестьянивании. Известно два его типа. Первый – это органический процесс, который продолжался 25–30 лет до Первой мировой войны и революции 1917 г. в рамках товарно-рыночной перестройки. Второй – процесс, связанный со сталинской коллективизацией. Коллективизация – это раскрестьянивание “сверху”. Раскулачивание как обязательное условие проведения сплошной коллективизации было первичным, опережавшим коллективизацию процессом. Оно стимулировало ее и выступало как последний аргумент устрашения единоличников. Результатом стало колоссальное разрушение производительных сил. Раскулачивание привело к пятидесятипроцентному падению уровня сельскохозяйственного производства. Крестьяне были вынуждены бежать из деревень, самоликвидировались сотни тысяч хозяйств. Исследователи отмечают крестьянский след в политике “Большого террора”.

Другой способ раскрестьянивания – огосударствление колхозов. Из них безвозмездно выкачивалась продукция в виде обязательных поставок и натуроплаты за услуги МТС. Колхозы выступали как своеобразные источники живого труда. В результате утвердилась мобилизационная модель экономики.

Раскрестьянивание стало важнейшим событием отечественной истории XX в. Новое лицо страны и народа определила гибель деревни в результате сталинской модернизации.

В. Пискун (старший научный сотрудник Киевского национального университета им. Т. Шевченко): Важнейшая веха в истории российского крестьянства – отмена крепостного права. Она дала толчок модернизации и изменила сознание крестьянина, укрепив в нем чувство собственника. Эту линию продолжила столыпинская реформа. Ее важнейшей частью стало выделение крестьян из общины и создание личных хозяйств. В России из общины на хутора вышло 24,5% крестьян, на юге Украины – 34,5%, на Правобережье Украины – более 50%. К 1917 г. две трети земель, пригодных к земледелию, находились в руках крестьянства. Самый бедный крестьянин на Украине в 1917 г. – это крестьянин-собственник, имевший до 5 дес. земли. Крестьянство хотело земли! У меня вопрос к историкам-аграриям: каково было перед февралем 1917 г. соотношение земли, находившейся во владении у крестьян, к земле, находившейся у них в собственности?

Здесь уже рассматривали вопрос о целесообразности коллективизации. Она была нужна для большевистской власти. Необходимо иметь в виду, что в экономических взаимоотношениях деревни и города, промышленности и сельского хозяйства важны

были “ножницы цен”. Они давали возможность выкачивать из деревни прибавочный продукт, производимый крестьянином. Именно это порождало крестьянские восстания и в России, и на Украине.

Большевистская земельная реформа имела целью ликвидацию частной собственности на землю, дающей человеку независимость и чувство собственного достоинства. Посмотрите на меня. Я – частный земельный собственник, владею 5,5 га земли. Это дает мне возможность свободно приехать в Москву и не зависеть от того, оплатят ли мне эту поездку в Москве или в Киевском национальном университете.

Д. Люкшин (доцент Казанского федерального университета): В. Пискун просила уточнить соотношение общинных земель и земель, находящихся в частной собственности крестьянских хозяйств. Не берусь говорить за всю Россию, скажу лишь о Поволжье. В 1915 г. в собственности крестьян находилось около 3% земли, а в пересчете на общинное землевладение эта цифра составит около 9%.

Что касается нашей дискуссии в целом, то в ней доминирует подход, в рамках которого крестьянство и власть рассматриваются в качестве равнодействующих субъектов. Такого никогда не было. Крестьянство воспринималось властью исключительно как объект для манипуляций. Это отчетливо проявилось в наших аграрных реформах. В 1861 г. государство только что проиграло Крымскую войну и ему срочно нужны были деньги. Взять деньги у дворянства оно не решалось. Царская семья делиться не хотела. Единственный источник ресурсов – крестьянство. Поэтому решили: давайте продадим ему землю, а деньги пустим на модернизацию армии и флота. Другой пример – столыпинская реформа. Необходимо было найти 500 млн руб. для модернизации армии и флота. Существовало два источника – либо за рубежом, либо у крестьянства. За рубежом брать не хотелось. Призвали Столыпина и возложили на него почетную обязанность запустить руку государства в карман крестьянства еще раз. Как заметил в свое время В. Бухараев, самое страшное в жизни крестьянина – когда государство поворачивается к нему лицом. Тогда оно начинает задавать вопросы: “А что ты делаешь? А сколько у тебя денег? А не хочешь ли ты нам их отдать?”. Из этого следует исходить при анализе крестьянской культуры. В ней воплощена стратегия “сопротивления слабым”.

Крестьянство все время действует в ситуации, когда выигрыш заведомо невозможен, а проигрыш означает смерть. Что касается государства, то оно хочет получить свое и сохранить производителей. Государство вынуждено, грабя крестьян, предоставлять им какие-то возможности для того, чтобы они получали больше. В этом смысле сопоставлять Россию и Украину некорректно постольку, поскольку с точки зрения единого крестьянского хозяйства *нет России как целого*.

Проблема взаимоотношений власти и крестьянства заключается в том, что власть предлагает унифицированный подход для сугубо индивидуальных хозяйств. Когда, характеризуя ситуацию 1917 г. применительно к Казанской губернии, мы начинали использовать термин “общинная революция”, то имели в виду *уникальную* социокультурную ситуацию поволжского крестьянства. Мне часто приходится видеть, что в новейшей литературе термин “общинная революция” выступает синонимом периода, который ранее назывался “триумфальное шествие советской власти”. Анализировать ситуацию в целом по стране сложно. Ее необходимо анализировать по регионам.

В. Логинов (профессор Университета Российской академии образования): Проблема “власть и крестьянство” имеет политический аспект. Здесь в негативном смысле упоминался В. Ленин. Но он никогда не смотрел на крестьянство как на глину, из которой “реформаторы” могут лепить все, что им заблагорассудится. В 1922 г. он высказал принципиальное суждение: либо 10–20 лет правильных отношений с крестьянством, выражающих чаяния самого крестьянства, либо 20 лет самого жесточайшего террора. А как же еще могут управлять страной те, кто игнорируют волю подавляющего большинства населения?

У проблемы “власть и крестьянство” есть и экономическая подоплека – неэквивалентный обмен между городом и деревней. Русский мужик ходил в лаптях потому, что за сапоги надо было отдать чуть ли не телегу зерна. Так было и позднее. Ослабление

этой тенденции давало положительный результат. Помните, как после сентябрьского 1953 г. пленума ЦК КПСС сельскохозяйственное производство пошло вверх? Но принятое в 1958 г. решение, согласно которому на колхозы повесили стоимость сельхозтехники ликвидируемых МТС, подорвало финансовую базу хозяйств.

У нас очень многие любят противопоставлять то, “как у нас было плохо”, тому, как “на Западе все было хорошо”. Наверное, это от неосведомленности. У нас, к примеру, не было “Билля о правах”, по которому обезземеленным крестьянам можно было отрезать уши. В Ирландии в период раскрестьянивания разразился голод, от которого погибли около миллиона человек. А ведь Ирландия меньше многих наших губерний. “Естественный процесс” модернизации на Западе тоже имел свою человеческую цену.

Не помню, кто придумал пошлейшую формулу: “История не знает сослагательно-го наклонения”. Вероятно, ее придумали для того, чтобы во все времена оправдывать действия власти. При наличии общих закономерностей история вся состоит из “точек бифуркации” и альтернатив. Была ли альтернатива сталинской коллективизации? Была. Это “строй цивилизованных кооператоров”, о котором писал Ленин. После В. Кабанова историки писали об этом мало.

Обругав наше прошлое, боюсь, что мы не прибегли негативные эпитеты для характеристики настоящего. Между тем как раз ныне проблема крестьянства, сказал бы И. Сталин, “решена окончательно и бесповоротно”. Сегодня число тех, кто заняты аграрным производством, составляет немногим более 6%. И, глядя на руины ферм, МТС, домов культуры, клубов, на забитые окна опустевших изб, понимаешь, что уже произошел “разрыв непрерывности” и действительно “распалась связь времен”.

Л. Бородкин: Судьбы крестьянства в России XX в. во многом определились “великим переломом” 1920-х гг. Вопрос, был ли он неизбежен, оказался в центре дискуссий историков уже в 1980-е гг. Важный их аспект связан с вопросом о характере дифференциации крестьянских дворов в доколхозной советской деревне. В наших с М. Свищевым публикациях 1990-х гг. мы использовали имитационное моделирование для оценки теоретического тезиса о неизбежности расслоения сельского населения в условиях рыночной экономики. Этот тезис интенсивно обсуждался руководством ВКП(б) в ходе формирования курса на коллективизацию. В развитие исследований по компьютерному моделированию социальной динамики в среде крестьянства мы ввели ряд “сценариев” альтернативного варианта процесса дифференциации деревни до решения о “великом переломе”.

Сложная картина расслоения деревни возникала в результате следующих процессов: 1) экономический потенциал крестьянских дворов непрерывно изменялся; 2) часть хозяйств претерпевала “*органические изменения*”, вызванные как демографическими, так и социальными причинами; 3) происходило переселение крестьян, что также влияло на численность групп. Имея данные по этим процессам, можно с помощью математической модели дать *ретропрогноз* социальной структуры на интервале в несколько лет.

При настройке параметров компьютерной модели по материалам источника определялось, какая доля хозяйств в каждой из групп претерпела то или иное “органическое изменение”. Определение процентных соотношений для каждой группы давало необходимые параметры моделирования. Ведя расчеты как для стабильных, так и для претерпевших изменения хозяйств, можно дать ретропрогноз общей численности дворов и их числа в каждой из групп. Программа, реализующая итерационный алгоритм, позволила сделать расчеты динамики социальной структуры крестьянства за 10 лет (1925–1934 гг.).

Анализ полученных ретропрогнозов показывает, что не было ни одного крупного региона, в котором бы интенсивно шел процесс дифференциации крестьянства. Даже относительно длительное сохранение условий, характерных для НЭПа, не могло бы привести к углублению расслоения деревни. Эти результаты заставляют по-иному взглянуть на теоретическое положение, согласно которому неизбежное следствие

существования рынка – дифференциация и даже поляризация мелких товаропроизводителей. Но не следует забывать, что НЭП в аграрном секторе не создал реально-го рынка. Это был квазирынок. Продолжение НЭПа не привело бы ни к взрывному росту аграрной экономики, ни к хозяйственному хаосу и социальным катаклизмам в деревне.

В. Багдасарян (профессор Российского государственного университета туризма и сервиса): Я хотел бы сказать несколько слов о судьбе крестьянской общины. На Западе община, основанная на индивидуалистической парадигме хозяйствования, довольно легко распалась. В России она базировалась на коллективистских ориентирах совместной деятельности и каждый раз, при всех попытках ее роспуска, воспроизводилась, репродуцировалась в новых формах. Неизвестным для Западной Европы был феномен уравнительного перераспределения земель. В России он получил название “черного передела”. Неудачной оказалась и столыпинская попытка демонтажа общинного землевладения. Лишь незначительная часть крестьян приняла решение о выходе из общины. Большинство из них потом снова вернулись в структуры крестьянского “мира”. Создаваемая впоследствии колхозная система во многом репродуцировала традиционную для России форму социального устройства села.

Общинное землевладение соотносилось с национальным идеалом соборного единения. Община брала на себя функции организации вспомоществования всем миром отдельным крестьянским хозяйствам. Другое ее назначение – решение социальных задач. У общины имелись и производственные преимущества над единоличным хозяйствованием. Она обладала большей устойчивостью от воздействия природно-климатических факторов. Выше был ее потенциал в распространении технических нововведений. Общинное хозяйство предоставляло возможность проведения масштабных аграрных мероприятий. Община обеспечила переход крестьянских хозяйств от трехпольной к многопольной системе севооборота. Русский крестьянин традиционно считал, что земля Божия. Всякий собственник воспринимался как узурпатор, разрушитель гармонии общинного миропорядка. Доктрина “черного передела” отражала народный подход к пониманию аграрного вопроса.

Большевистская революция, по сути, была контрреволюцией, реакцией на столыпинское разрушение общинного уклада. Именно реформы Столыпина можно назвать подлинной революцией. Колхозная система репродуцировала общину. Не случайно в годы Гражданской войны советская власть неизменно удерживала в своих руках как раз те территории, на которых до революции преобладало общинное землевладение.

В. Бабашкин: В последнее время некоторые историки, развивая идеи Данилова, пишут о крестьянской революции в России 1902–1922 гг., на фоне которой политическая история страны обретает непривычный ракурс. Революционные события показали, что большинство российского населения привержено традиционным общинным формам поведения. Это обрекало политические теории и партии европейского образца на банкротство. Шанс мог быть только у такой партии, которая на деле готова была считаться с крестьянской позицией. Большевизм входил в резонанс с действиями общинников. Он состоял в непримиримой оппозиции ко всем другим политическим силам страны, и это к осени 1917 г. в точности совпадало с настроениями огромного большинства крестьянства.

Крестьянская революция отдала власть в городе большевикам. Но крестьянство заставило коммунистов в 1922 г. признать *de jure* победу общинной революции *de facto*. А затем крестьяне и власть вступили в период морально-психологической подготовки к рывку, который бы обеспечил партийно-государственной верхушке безоговорочную власть над обществом, а крестьянам – что-то смутно-утопическое, но без периодических голодовок и перманентного грабежа со стороны властей. Коллективизация могла показаться обеим сторонам не вполне тем, о чем мечталось. Впрочем, обе стороны приспособивались к новой реальности. Вехой на пути партийного приспособления стал “Краткий курс истории ВКП(б)”, где было “научно” доказано, что общество,

возникшее в нашей стране к середине 1930-х гг., это и есть подлинный “социализм в одной отдельно взятой стране”.

Однако такое общество правильнее называть “коммунизмом”. В результате коллективизации сбылась мечта Сталина: громада российской крестьянской общины рухнула в одночасье. Страна оказалась завалена ее обломками, и для строительства нового общественного здания не было под руками другого материала. По мнению американского эксперта М. Левина, социальную основу советской политико-экономической модели составили коллективизированные крестьяне в деревнях и урбанизированные крестьяне в городах: когда крестьянская община в России исчезла столь же внезапно, как чеширский кот с ветки дуба, когда “аграрное царство” рухнуло, то общинность, крестьянственность как важнейшая черта “аграрного царства” осталась, подобно улыбке того кота, и царству промышленно-городскому пришлось ее унаследовать. Советское общество восприняло от общины (коммуны) очень многое в области социально-экономического и духовно-культурного уклада повседневной жизни.

Сегодня, когда мне приходится слышать дискуссии о коллективизации, я никак не могу отделаться от противоречивого ощущения. Когда ее одобряли в советской историографии, я хоть что-то понимал. Когда ее сейчас начали осуждать, я ничего не понимаю. Всерьез говорить об альтернативах коллективизации нельзя. В. Логинов в качестве альтернативы назвал кооперацию и упомянул в этой связи Кабанова. Цитирую самого Кабанова: “НЭПу мог, должен, просто обязан быть противопоставлен только один метод – *à la* военный коммунизм. Сравнительно мягкий, что маловероятно, а скорее всего жесткий. Как оно и вышло. И никаких альтернатив!”

Один из мощных факторов отказа от НЭПа был заложен в самой деревне. На уровне “средноты” было раздражение мироедством кулачества и готовность к тому, что “сверху” будет произнесено волшебное слово. И это слово было произнесено – коллективизация. От большей части крестьянства шли импульсы, уловленные властью. У коллективизации не было альтернатив. Но это оказался не коренной перелом, а возвращение на круги своя.

Одной из главных линий наследования стало вечное противостояние: “крестьяне (народ)–власть”. Тоталитарная община рухнула. Следствием этого стало распространение тоталитаризма на все общество. Народ сохранил за собой неписаное право применять повседневные скрытые формы сопротивления власти. В посткрестьянском обществе законы и распоряжения властей реализуются в тесной увязке с тем, насколько рядовые граждане видят в них смысл и пользу. Реальные сдвиги происходят только в тех случаях, когда политика власти совпадает с умонастроениями большинства. Когда расхождения слишком велики, большинство граждан включают скрытое (в лучшем случае) сопротивление, в результате которого законотворческая инициатива политической элиты спускается на тормозах. В худшем – возникают драматические коллизии. Для такого общества характерно плотное противостояние народа и власти, а реальное движение осуществляется в направлении резюмирующего вектора этих двух сил.

В. Безгин (профессор Тамбовского государственного технического университета): Мое выступление посвящено крестьянскому движению в Первой русской революции. Исследователи российского села не учли в полной мере фактор голода в аграрном движении 1905–1906 гг. Уже во второй половине лета 1905 г. определился недород озимых и яровых хлебов в Воронежской, Тамбовской и Орловской губерниях. В 1906 г. неурожай охватил 14 губерний России, а Воронежская, Тамбовская и Орловская губернии были отнесены к местностям, находящимся в критическом положении. Если проследить динамику крестьянских выступлений, можно сделать вывод, что наивысшего накала аграрные беспорядки достигли осенью 1905 г., несколько ослабли в период зимы–весны 1906 г. и вновь усилились летом. Зависимость ритма крестьянского движения от продовольственного обеспечения русской деревни очевидна.

Угроза голодной смерти толкала крестьян на самые решительные действия. Не вызывает сомнения стихийный характер крестьянского движения. Это утверждение отнюдь не противоречит представлению о ведущей роли общины в аграрных вы-

ступлениях. В условиях социальной войны “мир” заявил о себе как о силе, способной мобилизовать крестьянские массы на борьбу с помещиками и властью. В 1905–1907 гг. в Европейской России отмечено 21,5 тыс. крестьянских выступлений, из них 33,8% осуществлены в форме разгрома дворянских усадеб. Крестьяне, по их собственным словам, громили усадьбы для того, чтобы выдворить помещика из деревни и не допустить размещения отряда карателей.

Ведущая роль общины в аграрном движении стала для власти полной неожиданностью: на ее глазах произошло превращение общины из союзника в противника. Власть лихорадочно искала “подстрекателей”, побудивших “смирных” крестьян к бунту. Крестьяне охотно приняли эти правила игры. В ходе следствия в свое оправдание они указывали на действие неких “злонамеренных людей”, объясняя свои деяния массовым помешательством. И в этом лицедействе они были столь убедительны, что их лукавство оставалось, как правило, незамеченным. Либеральная печать охотно подхватила и растиражировала этот миф.

Аграрное движение 1905–1907 гг. наглядно продемонстрировало власти силу крестьянской общины. Весь алгоритм погромов являлся выражением общинного уклада. Борьба крестьян за помещичью землю не нарушила привычный хозяйственный ритм. Аграрные беспорядки удачно “вписывались” в календарь хлебопашца. Крестьяне пахали, сеяли, убирали – и при этом травили, жгли и грабили.

Ж. Тощенко: В сельском хозяйстве происходят процессы, имеющие огромные социальные последствия. Однако у современных исследований, посвященных сельскому хозяйству, есть один общий кардинальный недостаток: они мало уделяют внимания рассмотрению сознания и поведения российского крестьянства.

Главная особенность современного российского крестьянства – его парадоксальность. Как объяснить то, что именно крестьянство в наименьшей степени поддерживает передачу земли в частную собственность? По данным З. Калугиной, только 19,2% опрошенных крестьян согласны с тем, что земля должна быть предметом купли-продажи. Это объясняется рядом причин. Среди них: отсутствие государственной поддержки сельского хозяйства, высокие налоги, незащищенность прав собственника, монополизм перерабатывающих, заготовительных и обслуживающих предприятий, отсутствие социальных гарантий. Вот и получается парадокс: колхозы и совхозы – это прошлое, фермерство – будущее, а кормить людей надо сегодня. В то же время рынок заполняется сельхозпродукцией стран Запада, усугубляя и без того тяжелейшее положение российских сельхозпроизводителей.

Этот парадокс имеет губительные последствия. С середины 1990-х гг. происходит сокращение числа фермеров. Идет процесс неоархаизации и натурализации крестьянских хозяйств. Сегодня 41% продукции сельского хозяйства производят сельхозпредприятия, 57% – личные подсобные хозяйства и только 2% – фермеры. Происходит профанация идеи собственности на землю. Произведенное в 1990-е гг. разделение земель и собственности бывших колхозов и совхозов на паи привело к запустению земель, резкому снижению поголовья скота и товарности сельского хозяйства, падению урожайности и массовой натурализации личного хозяйства сельских жителей. За эти годы посевные площади сократились почти на 30 млн га, более чем на 50% сократилось поголовье продуктивного скота, на 40–60% сократился парк сельскохозяйственных машин. За этот период в 20 раз уменьшились капиталовложения в АПК и в 30 раз сократились объемы мелиоративных работ.

Эти процессы не могли пройти бесследно для сознания крестьянства, породив и колоссально усилив его парадоксальность, проявившуюся особенно наглядно в коренном, основополагающем для крестьян вопросе – отношении к земле. В 1995 г. во время Всероссийского опроса был задан вопрос: “Как вы относитесь к созданию в вашем районе крупных частных землевладений?”. Только 28% согласились на такую перспективу. Парадокс этот усугубляется тем, что на деле идет не внедрение рыночных отношений, а криминализация сельской экономики и широкое распространение лагифундизма. Ситуация в сельском хозяйстве осложняется отсутствием внятной

государственной аграрной политики, в которой учитывались бы интересы не только новых собственников, но и крестьянина. Проводимые аграрные реформы не привели к формированию рыночного сознания и поведения. Вместо неэффективного госсектора на селе возник неэффективный частный сектор. Вместо расцвета фермерских хозяйств и акционированных коллективных хозяйств произошла экспансия мелкотоварного производства.

Российскому обществу предстоит сделать выбор – или первоначальное накопление капитала с надеждой на светлое будущее через неведомое время, или регулирование рыночных отношений сегодня, пересмотр форм и методов экономической политики. Опыт реформ 1990–2000 гг. убедительно доказал, что нельзя игнорировать мировой опыт и искусственно ускорять ход преобразований, игнорировать этнонациональные и региональные особенности, а также то, что научный и политический экстремизм, основанный на абсолютизации монетаристских методов, не может привести к успеху.

А. Никулин (директор Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ): Что представляют собой и какими должны были бы быть взаимоотношения крестьянства и власти в современной России? Об этом мне хотелось бы поразмышлять, поделившись, в том числе, впечатлениями от участия в конференции “Миссия российского крестьянства в формировании социального государства”, прошедшей в 2009 г. в Белгороде. Ее участники разделились на два лагеря. Одни решительно заявили, что крестьянство осталось в прошлом, другие – что крестьянство все же существует, но его признаки растворены и рассеяны в современной жизни.

Одно из классических определений: крестьянство – социальный слой, который ведет семейное хозяйство на земле в условиях местной общинно-деревенской культуры и находится в периферийно-подчиненном положении по отношению к государству. Давайте разберем это определение по частям и каждую сравним с современным положением дел в сельской России. Во-первых, у нас еще достаточно народа ведет семейное хозяйство на земле. Наши личные подсобные хозяйства и дачи – фрагменты прежнего семейно-крестьянского уклада. Во-вторых, общинно-деревенская культура сохранилась лишь в отдельных фрагментах. Лишь в маргинальном отношении к государству современные сельские жители очень схожи с крестьянами. Миссией крестьянства остается труд на земле, сохранение семейных и общинных ценностей культуры, обустройство сельских территорий и снабжение города. Каким же должен быть отклик государства на эту миссию? Ответить на этот вопрос не голословно, а эмпирическими изысканиями и практическими действиями решили на Белгородчине.

Стратегическая основа белгородских аграрных реформ – развитие многоукладности, установление в агросфере справедливой цепочки цен от производителя к переработчику и продавцу и формирование социального кластера. В Белгородской области стремятся органично сочетать плюсы крупного и мелкого аграрного производства. До недавнего времени у всех на слуху были достижения белгородских агрохолдингов. В последние годы на Белгородчине успешно развиваются сельскохозяйственные кооперативы, семейные фермы и личные подсобные хозяйства. Здесь разработан и последовательно реализуется целый комплекс социальных программ, формирующих систему социального сельского кластера, в который входят школа и детсад, парк, медицинские, досуговые и административно-коммунальные учреждения, органы правопорядка, храм, благоустроенное кладбище. Сегодня Белгородская область – не только успешный лидер аграрного производства России, но и территория демографического и социально-экономического роста села.

Одна из причин успехов Белгородчины – в способности ее руководства сочетать в своих действиях память о культурном наследии с прагматически современными политико-экономическими решениями. В центре Белгородчины, на пересечении дорог, по которым во времена коллективизации гнали в лагеря раскулаченных крестьян, стоит памятник – бронзовый крест. На нем выбиты слова покаяния современных российских

граждан перед крестьянской Россией, на костях и крови которой тогда проводилась модернизация.

А. Фурсов: История отношений власти и народа в России – это, главным образом, история взаимоотношений власти и крестьянства. С конца XVI и до конца XVIII в. хватка власти на крестьянском горле становилась все более жесткой. Начиная с эпохи Павла I, социально-юридическое положение крестьян улучшается. Но уже с начала XIX в. Центральная Россия начинает ощущать аграрное перенаселение. Экономическое положение крестьянства ухудшается. Эти процессы привели к тому, что к началу XX в. мелкое крестьянское землевладение себя исчерпало. Переход к крупному землевладению был неизбежен.

Попытка Столыпина создать крупное индивидуальное землевладение провалилась. К 1920 г. крестьяне вернули в общинную собственность более 90% земли. В 1921 г. большевики вынуждены были ввести НЭП. Впрочем, Ленин еще в 1921 г. предупреждал о возможности возврата к террору. В 1929 г. так и сделали. У коллективизации были политический (советский), этнический (русский), исторический и мировой аспекты. Начну с советского аспекта. Советский режим не мог допустить существования огромного слоя земельных собственников, обладающего своей формой социальной организации. Кто-то может сказать: колхозная форма не была государственной. В реальности она была компромиссом, который должен быть изжит. Но были экономический и социальный аспекты. В 1930-е гг. режим решал задачи, не решенные самодержавием. Коллективизация решила аграрный вопрос путем раскрестьянивания, то есть превращения крестьян в государственных работников. Освобождение крепостных превратило внеэкономические производственные отношения в экономические. Внеэкономические производственные отношения решали задачу социального контроля. В Западной Европе торжество экономических производственных отношений породило такие формы социального контроля, как государство, политика, гражданское общество, репрессивные структуры повседневности. Пореформенная Россия ничего такого не изобрела. С “уходом” внеэкономических производственных отношений сфера социального контроля “просела”. Самодержавие утратило контроль над населением. Любой постсамодержавный режим должен был решать эту проблему. Большевистский режим решил ее путем установления жесткого социального контроля с помощью новой социальной организации, за которой стояли идеалы социальной справедливости и мощный репрессивный аппарат. Без этого существовать в XX в. было невозможно.

Нередко коллективизацию связывают с индустриализацией. Это правильно только отчасти. В ходе и после коллективизации зерно оставалось лишь пятой по доходам статьей экспорта. Кроме того, коллективизация проводилась в условиях мирового экономического кризиса, когда цены на промышленные товары упали. Тогда американцы были рады не только продавать оборудование СССР, но и вкладывать средства в советскую промышленность. Прямая экономическая связь между коллективизацией и индустриализацией не очень сильна. Другое дело, что коллективизация высвободила для индустрии рабочие руки. Но это уже социально-экономический фактор, связанный с созданием современного общества с советской идентичностью.

Американский и английский фермеры, крестьяне во Франции и Германии в начале XX в. были элементами национального целого и носителями национальной идентичности. Это обусловило поведение немецкого “байера” во время Первой мировой войны. На призывы власти затянуть пояс потуже во имя Райха и Фатерлянда он отвечал “яволь” и “цум бэфель”. Поведение русского крестьянина было диаметрально противоположным. С таким народом существовать в условиях XX в. оказалось невозможно. Крестьян следовало превращать в нацию. Коллективизация стала важнейшим средством создания нового общества, соответствующего заявляемым режимом целям и ценностям и требованиям, предъявляемым современным миром. Курс на строительство социализма “в одной, отдельно взятой стране” требовал преодоления крестьянского локализма и создания “национальной целостности”. Без коллективизации и без

решения вековых проблем русской власти и народа уход от интернационал-социализма был невозможен.

Жестоко проводилась коллективизация? Жестоко. Но у этой жестокости есть два аспекта: жестокость власти по отношению к народу и жестокость одной части народа по отношению к другой. Что касается жестокости власти, то можно ли представить себе радикальное изменение жизнебытия огромной массы, столетиями привыкшей жить отдельно от государства, по-хорошему? Нет. Можно ли представить себе великий перелом без поддержки его, как минимум, половиной деревни? Нет. Власть включила в себя внушительную часть крестьянства. Она запустила процесс, а дальше он начал развиваться по логике, определяемой вековыми традициями, народным бытом и характером. Опираясь на часть народа, власть обрушилась на другую его часть – безвластную.

Была ли у крестьян своя социальная правда? Была. Но она столкнулась с “красной правдой”, на основе которой только и можно было решить проблемы России. Раскрестьянивание – одна из русских трагедий XX в. Но ее плоды обеспечили русским победу в войне. Крестьянская Россия не выжила бы в жестокой мировой борьбе XX в. Выжить могла только советская Россия.

В. Булдаков: Практически вся письменно обозримая история человечества связана с аграрными обществами. Аграрные общества – другой тип цивилизации. Они в прогрессе не нуждаются, живут по принципам производственно-потребительского баланса. Главная проблема для них – проблема выживания. Цикличность аграрного производства порождала голод, эпидемии, войны и социальные кризисы. Мы же все еще пребываем во власти формационных фетишей и льем крокодиловы слезы по поводу “раскрестьянивания” России, забывая о том, что государство и элиты всегда жили за счет крестьянства. Существование самих крестьян зависело от природы, а отнюдь не от власти и бюрократии.

Крестьяне тяготели к натуральному хозяйствованию, а стоящие над ним верхи требовали все большего прибавочного продукта. Государство может управлять аграрным производством только при условии, что оно обеспечит ему инфраструктуру, позволяющую реализовывать прибавочный продукт и неуклонно расширять производство. В противном случае оно само становится заложником “косного” крестьянского большинства. Этого российские верхи никогда не могли обеспечить по причинам объективного характера. Субъективные факторы (от геополитических до идеологических) постоянно провоцировали верхи на то, чтобы не считаться с самой природой аграрного производства. Российские элиты и традиционалистские низы всегда пребывали в разных культурных измерениях. Более того, власть упорно навязывала элитам особый язык: во времена Александра I в законодательных актах появился термин “гражданское общество”, а между тем русский крестьянин знал только свое сельское “общество”. Отсюда масса старых и новых мифов. К примеру, считается, что перед революцией русское крестьянство “кормило пол-Европы”. Это типичный миф нашей “потребительской” современности. Во-первых, русское низкосортное зерно закупалось европейскими странами для реэкспорта в колонии. Во-вторых, производство экспортного зерна носило анклавный характер: решающую роль играла возможность вывоза из черноморских портов; соответственно, оно успешно развивалось лишь на Юге России. В-третьих, экспортная хлебная торговля была сосредоточена в руках иноэтничных элементов. Необходимая модернизационная связка между сельским хозяйством и торговлей отсутствовала. Основную массу товарного зерна давали перед революцией “стольпинские” земельные собственники. Между тем в годы Первой мировой войны произошло стремительное возвращение отрубников и хуторян в деревню, а большевистская “борьба с кулачеством” окончательно подорвала товарность российского сельскохозяйственного производства.

Однозначно оценивать поведение крестьянства и отношение к нему власти нельзя. У власти свои задачи, у крестьянства – свои. Другое дело, что в определенные

периоды власть перестает понимать интересы крестьянства. Чем это заканчивается, объяснять подробно не надо.

Мы заикнулись на проблеме коллективизации. Я двадцатыми годами занимался и имею представление о том, что тогда думали крестьяне. Большевики довели крестьянство до крайней степени своей налоговой политикой, подорвав всякие стимулы к расширению сельскохозяйственного производства. Коллективизация – результат того, что власть довела и крестьянство, и себя до тупикового состояния. Я встречал документы, в которых сами крестьяне говорили: “Ради Бога, пусть коллективизация. Хуже, все равно, уже не будет!”.

Взаимоотношения власти и крестьянства везде и всегда складывались очень сложно. Происходит это потому, что крестьянство старается жить по своим законам, а у власти свои сугубо конкретные проблемы. Она должна себя обеспечить. Крестьянство хорошо знает повадки власти. Политику и веру крестьянство оценивает сугубо прагматично. Вот это нам подойдет – хорошо, а вот это нам не подходит – долой! А. Пушкин совершенно несправедливо определил крестьянский бунт как “бессмысленный и беспощадный”. Бунт – это природный язык крестьянства и единственный способ его взаимоотношений с властью без посредства бюрократии.

Наибольшей издевкой над реалиями смотрится миф об “особом коллективизме” россиянина – природного “общинника”. Предреволюционный общинник превратился в яростного антиколлективиста: община задыхалась от навязанных ей государственно-фискальных функций, будучи в то же время перенасыщенной “миродским” насилием. Официально-лубочный общинник – “коллективист” в той мере, в какой готов использовать общину для сопротивления государственности и прочим напастям, а артель – для внеобщинной и внетягловой трудовой деятельности. Нормальный коллективизм возможен в обществе, а не в общине. Поэтому россиянин всегда склонен бунтовать против “миродов”, чиновников и даже государства – увы, во имя утопического образа власти. В поисках несбыточного идеала (для крестьянина государство – сакральная величина, потеснившая Бога) он готов отвергнуть все несовершенное. Поэтому сегодня сверху навязчиво внушается мысль о коллективной готовности россиян терпеть любую власть.

Вот еще один миф. Считается, что русское крестьянство было “православным”. Не следует забывать, что религиозный раскол не только сыграл свою роль в “красной смуте”, но и сказывается до настоящего времени. С конца XIX в. в деревне наблюдается рост преступлений против церкви и веры. Что касается собственно православных, то для них было характерно “двоеверие”.

Общесовицизационная проблема взаимоотношений города и деревни в годы “красной смуты” превратилась в социокультурное противостояние, выливающееся в акты настоящих походов друг против друга. Итог неоднозначен: сталинская коллективизация привела к тому, что деревенская психоментальность затопила города.

В последние годы в российской историографии ведутся дискуссии о применении принципов синергетики в исторических исследованиях. Изучение поведения крестьянства в “красной смуте” могло бы расставить все точки над *i*. Характер рекреационного выхода из системного кризиса был предопределен психоментальностью подавляющей крестьянской массы. Теория возникновения “порядка из хаоса” предполагает наличие внутри последнего аттракторов, притягивающих распыленную социальную массу. Роль таких аттракторов сыграли большевистские вожаки – личности, больше напоминающие предводителей казачьей вольницы, нежели политических лидеров. С их помощью происходит восстановление отношений власти-подчинения, разорванные в точке бифуркации. В любом случае “секрет” утверждения сталинской деспотии следует искать не в тех или иных диктаторских качествах “вождя”, а в возникновении между ним и бунтующей, но “косной” массой временных коммуникативных связей и связей архаичного (дополитического) типа. На их основе возникает подобие коммуникативного разума, который избавляется от избыточной пассионарности в лице всевозможных диссипативных элементов. Все это и обеспечивает генетическую преем-

ственность между докризисным и посткризисным состоянием системы. Этот фактор действует до сих пор.

Всякой российской смуте присуще снижение общецивилизационных стереотипов до деревенского уровня. Наша современность пронизана крестьянской ментальностью в ее колхозно-деформированном виде. Если известно, что в крестьянской среде насилие считалось наиболее действенным регулятором взаимоотношений и внутри общины, и вне ее, то стоит ли удивляться, что весь XX в. в истории России оказался пронизан насилием? Мы зависимы от крестьянской психоментальности даже в сфере массовой культуры. Какая-нибудь гламурная “звезда”, “фанерным” голосом сообщающая о любовных страданиях современности, не подозревает, что она невольно копирует повадки деревенской девки. Вся нынешняя сексуальная раскованность лишь воспроизводит коллизии сеновального распутства. Разница лишь в том, что в свое время подобное непотребство прикрывалось фиговым листком деревенского ханжества.

Проблематика крестьянства связана не только с осмыслением места традиционализма в современной жизни. Крестьянин – не просто кормилец любой цивилизации, но и протозтнос, и культурная матрица, и своего рода напоминание о будущем. У нас на глазах мир превращается в “большую деревню”. Глобальная транспарентность делает человека зависимым от “косного” большинства; миром, похоже, будет управлять не мировой разум, а коммуникативная беспомощность людской массы, лишившейся естественной среды обитания. Нынешнее постмодернистское поветрие может стать возвратом в предмодернистское прошлое. И в этом не будет ничего удивительного: прошлое по-прежнему мстит за забвение своих уроков.

О. Буховец: Уважаемые коллеги, у меня спокойное, оптимистическое отношение к итогам “Круглого стола”. Очень уж необъятным, многомерным предстает объект нашего сегодняшнего обсуждения. Это действительно “Великий Незнакомец”. В заключение хочу еще раз отметить, что два международных “Круглых стола”, прошедших в рамках проекта “Народ и власть: История Россия и ее фальсификации”, преемственно связаны друг с другом. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что организаторы целенаправленно идут по намеченному пути к поставленной цели.

© П. Марченя, С. Разин, И. Ионов, 2012